

ГЛАВА 1

Три месяца назад...

— **Ф**илип?
— Да? — Приподнятая бровь герцога Эдинбургского показалась над сложенной пополам “Дэйли Телеграф”, подпертой горшочком меда.

— Ты знаешь эту картину?

— Какую из? У тебя их тысяч семь, не меньше, — съязвил он, просто чтобы повредничать.

Королева незаметно вздохнула и собиралась было объяснить: “Та, на которой изображена «Британия»¹. Она висела у входа в мою спальню”.

— А, та убогая картинка австралийца, который никак не научится рисовать корабли? Ты про нее?

— Да.

— Знаю.

¹ Королевская яхта “Британия” — судно, построенное специально для Ее Величества Королевы Елизаветы II. Сегодня “Британия” — корабль-музей, пришвартованный в терминале шотландского порта Лейт в Эдинбурге.

— Так вот, вчера я видела ее в Портсмуте, в Семафор-Хаус. На выставке маринистов.

— Логично, там же нарисована яхта, — буркнул Филип, не отрывая взгляда от первой полосы газеты.

— Ты меня не так понял. Я принимала там новую стратегию цифровизации военно-морского флота, и по этому случаю в вестибюле повесили несколько картин морской тематики, — пояснила королева. Утвердить новый план цифровизации, подразумевающий оснащение флота по последнему слову техники, — задача куда более нетривиальная, чем посещение художественной выставки. — В основном там были практически одинаковые изображения линкоров. Конечно, не обошлось без яхты J-класса с поднятыми парусами в порту Саутгемптона — куда же без нее. А прямо рядом с ней — наша “Британия” шестьдесят третьего года!

— Ну и как ты поняла, что наша? — спросил Филип, все еще не поднимая взгляда.

— Я сразу ее узнала, — отрезала королева. Ее задело и расстроило неожиданное отсутствие заинтересованности с его стороны. — Я знаю свои картины.

— Несомненно, все семь тысяч. Что ж, поручи прислуге ее забрать.

— Уже.

— Отлично.

Королева почувствовала, что ее муж раздражен сильнее обычного, потому что статья в “Дэйли Телеграф”, вероятно, посвящена брекситу. Кэмерон ушел¹, в партии бардак, да и кругом чудовищная

¹ Дэвид Кэмерон — премьер-министр Великобритании в 2010–2016 годах.

неразбериха... Какая-то картина ничем не примечательного художника, написанная задолго до присоединения Британии к общеевропейскому рынку, сейчас вряд ли имеет значение. Королева бросила взгляд на пейзажи Стаббса¹ с чудесными лошадьми, украшавшие стены парадной столовой дворца. Много лет назад Филип сам изобразил ее здесь, читающей газету. И может даже показаться, что ему это удалось гораздо лучше, чем человеку, написавшему “Британию”. Тем не менее когда-то эта картина была ей очень дорога. Королева никому не рассказывала, но в некотором смысле это была ее любимая картина. Поэтому она твердо решила, что вернет ее.

Через несколько часов в кабинет королевы в Северном крыле вошла Роза Ошоди, чтобы забрать красные коробки с официальными бумагами, переданные утром Ее Величеству. Роза стала помощницей личного секретаря королевы несколько месяцев назад, после непродолжительной службы в армии, а затем в частном банке. Она была еще сравнительно молода для этой работы, но до сих пор прекрасно с ней справлялась, в том числе — и, возможно, особенно — с ее непротокольной частью.

— Появились какие-нибудь новости? — спросила королева, подняв глаза от последней газеты из целой стопки.

Накануне Роза было поручено выяснить, как картина с изображением бывшей королевской яхты

¹ Джордж Стаббс (1724—1806) — английский художник и ученый-биолог, один из ведущих европейских художников-анималистов.

оказалась там, где оказалась, и организовать ее скорейшее возвращение.

— Да, мэм, но вам они не понравятся.

— Неужели? — Такого она не ожидала.

— Я обратилась к управляющему снабжением военно-морской базы, — объяснила Роза, — и он сказал мне, что произошло недоразумение. Художник, должно быть, нарисовал не одну версию “Британии” в Австралии. Эту картину одолжил для выставки Второй морской лорд¹. На ней нет никакой таблички или дарственных надписей. Оказалось, что она из коллекции министерства обороны и уже много лет висит в его кабинете.

Королева посмотрела на помощницу личного секретаря сквозь бифокальные линзы очков².

— Действительно, вышло недоразумение. Последний раз я видела эту картину в девяностых годах двадцатого века.

— Мэм?

— Нет никакой второй версии, — заявила королева с воинственным блеском в глазах. — У Второго морского лорда моя картина, только в другой раме. Но висит она в его кабинете слишком долго, это уж точно.

— А... Да, теперь я поняла. — По глазам Роза было видно, что она ничего не поняла.

1 Второй морской лорд и заместитель начальника военно-морского штаба — одна из высших адмиральских должностей ВМФ Великобритании. Второй морской лорд отвечает за персонал, оборудование и инфраструктуру военно-морского флота.

2 Бифокальные линзы — тип линз, предназначенный для людей, которым необходима коррекция зрения для различных расстояний. Они позволяют видеть вдаль, а также читать и работать с близко расположенными предметами.

— Не могли бы вы вернуться туда и выяснить, в чем дело?

— Конечно, мэм.

Ее Величество поставила свою подпись на документе, лежавшем на столе, и положила его обратно в коробку. Помощница личного секретаря подхватила стопку бумаг и оставила королеву наедине с ее мыслями.

ГЛАВА 2

— Мы в смертельной ловушке!
— Брось, Джеймс. Ты преувеличиваешь.
— Вовсе нет! — Хранитель тайного кошелька бросил сердитый взгляд на личного секретаря, сидевшего за антикварным письменным столом. — Ты хоть знаешь, сколько здесь нашли вулканизированного каучука?
— Я даже не знаю, что это такое. — Сэр Саймон приподнял левую бровь, выражая веселье и заинтересованность. На должности личного секретаря он отвечал за организацию официальных визитов королевы и ее отношения с правительством, но на деле его волновало все, что имело к ней отношение. И утверждение о том, что Букингемский дворец — это смертельно опасное место, определенно попадало в эту категорию.

Его посетитель, сэр Джеймс Эллингтон, отвечал за финансы королевской семьи. Он работал с сэром Саймоном много лет, и в бодрых десятиминут-

ных прогулках, которые он совершал от своего стола, расположенного на верхнем этаже Южного крыла, до кабинета сэра Саймона на первом этаже в Северном крыле, где он мог пожаловаться на очередное фиаско, не было ничего необычного. Не секрет, что за привычной сдержанностью и бесстрастным выражением лица любой англичанин прячет потребность рассказать во всех красках о том, что довело его до белого каления, в приватной беседе с другим англичанином. И в этот раз сэр Саймон обнаружил, что его друга необычайно беспокоит вопрос вулканизированного каучука. Что бы это ни было.

— Резину обрабатывают серой, чтобы она стала прочнее, — объяснил сэр Джеймс. — А затем используют ее в изготовлении оболочек для кабелей. По крайней мере, так было полвека назад. Сначала все хорошо, но со временем, под воздействием воздуха, света и других факторов среды, резина постепенно становится хрупкой. Истончается.

— Надо же, прямо как мои нервы после разговора с тобой! — заметил сэр Саймон.

— Очень смешно. Ты даже не представляешь, какая это угроза.

— Хорошо-хорошо, так и в чем же заключается опасность хрупкой вулканизированной резины?

— Оболочка разрушается. Кабели нужно было менять еще лет тридцать назад. Мы знали, что дело плохо, а тут в прошлом месяце случилось задымление на чердаке — и оказалось, что там чертовы гнезда из этих проводов, которые буквально рассыпаются в руках! Ты только представь, у нас же вся проводка в здании держится на честном слове! Сотни миль этих кабелей.

Одно короткое замыкание — и пуфф! — воскликнул сэр Джеймс, изобразив правой рукой элегантный жест, означающий дым или небольшой взрыв.

Сэр Саймон прикрыл глаза. Он прекрасно представлял себе опасность пожара. На ликвидацию последствий трагедии в Виндзорском замке, произошедшей в девяносто втором году, ушло пять лет и несколько миллионов фунтов стерлингов. Чтобы помочь оплатить ремонт, Букингемский дворец открывали для посетителей каждое лето. К сожалению, когда здесь проводили проверку, чтобы перестраховаться, выяснилось, что тут еще опаснее. Работы по замене проводки постоянно планировались, но каждый раз переносились из-за каких-то сложностей.

— Так, и что ты предлагаешь? — спросил он. — Переселить ее?

Уточнять, кого именно предлагалось или не предлагалось переселить, не было необходимости.

— Да, по-видимому, стоит, притом срочно. Естественно, уезжать она не захочет.

— Безусловно.

— Мы подняли этот вопрос в прошлом году, она явно была не в восторге, — мрачно размышлял сэр Джеймс. — Я ни в коем случае ее не виню. Если она и согласится куда-то переехать, то только в Виндзор, чтобы придерживаться своего распорядка и не создавать на М4 пробку из послов, министров и почетных гостей, вечно снующих туда-сюда. Чтобы она могла туда въехать, замок придется ремонтировать. Она и в спартанских условиях смогла бы жить, если бы пришлось, но... Были бы деньги.

— А ты говорил, что денег нет, — заметил сэра Саймон.

— Все верно, — вздохнул сэра Джеймс и поднял глаза к небу. — Букингемский дворец почти превратился в руины. Был бы это многоквартирный дом в Бирмингеме, эксперты повесили бы объявление на входную дверь и запретили бы жителям в него возвращаться, пока его не отремонтируют. Но это действующий дворец, поэтому мы не можем так сделать. Программа реставрации почти согласована, мы как раз ее дорабатываем — скорее всего, получим на нее дополнительный миллион или два... Ой, совсем забыл: ты же помнишь Мэри, мою секретаршу? Которая очень продуктивно работает, всегда вовремя отвечает на электронные письма, знает все, что касается реставрации, да и в принципе очень талантливая девушка?

— Ну?

— Я только что получил ее заявление об увольнении. Всех подробностей я не знаю, но сегодня утром она была вся в слезах. Так что...

Рассказ сэра Джеймса прервала Роза. Она вошла в кабинет личного секретаря и поставила красную коробку с бумагами на мраморный консольный столик возле двери, чтобы позже его забрал служащий из кабинета министров.

— Все в порядке? — обратился к ней сэра Саймон.

— Почти. Как мне узнать, передавали ли мы в девяностые картину из личной коллекции королевы в министерство обороны?

Поскольку этот вопрос не представлял для сэра Джеймса никакого интереса, он предпочел удалиться.

Рози проводила его любопытным взглядом. Тем временем сэра Саймон облокотился на стол и сложил руки домиком, сосредоточившись на поиске ответа на заданный вопрос. “Он так ловко переключается между задачами, — думала Рози, — как гимнастки, летающие на разновысоких брусьях, или скачущие по веткам белки”.

— Хм... Можно обратиться в Королевский фонд коллекций, — предположил он. — Они отвечают за личные произведения искусства королевы и другое имущество Короны. Думаю, они в курсе. А мы тут при чем?

— Босс видела ее в Портсмуте, — объяснила Рози. — В министерстве обороны говорят, что это их картина. А она утверждает, что подарок ей вручил сам художник. Звучала она очень уверенно.

— Не сомневаюсь. А как они это объяснили?

— Сказали, что таких картин две.

Сэр Саймон присвистнул про себя.

— Умно! А у художника можно спросить?

— Нет, он мертв, я проверила. Его зовут Вернон Хукер. Скончался в 1997 году.

— И много кораблей он написал?

— Сотни! Погуглите.

Рози ждала, пока сэра Саймон заглянул в компьютер и ввел имя художника в поиск по изображениям, и инстинктивно отпрянула.

— Господи, он хоть раз видел настоящий корабль?!

Рози не была экспертом в морской живописи, но реакция сэра Саймона ее не удивила. Вернон Хукер любил изображать свои объекты в ярких цветах,

полностью пренебрегая законами светотени. На его картинах преобладали изумрудно-зеленый, синий электрик и сиреневые тона, гораздо в большей степени, чем можно было бы ожидать от изображений преимущественно моря и неба. Но в то же время одним из любимых художников королевы был Теренс Кунео, чьи картины с поездами и батальными сценами тоже было трудно назвать монохромными. И к удивлению Розы, когда она вчера искала произведения Хукера в интернете, оказалось, что его работы обычно продавались за тысячи фунтов стерлингов. И коллекционеры часто собирали его работы.

— Может быть, они и правы? — сказал сэр Саймон, снова глядя на экран. — Министерство, я имею в виду. Тут мазни на десятки страниц гугла! Держу пари, что этот Хукер получил бы больше денег за королевскую яхту в цветах “Дэй-Гло”¹, чем за обычный третьесортный морской пейзаж! У него, наверное, таких картин целая куча.

— Королева непреклонна. И кстати, других его изображений “Британии” я найти не смогла.

— Как я и говорил, стоит обратиться к Нилу Хадсону из Королевского фонда коллекций. Узнайте, не отдавали ли мы эту картину. Думаю, за двадцать лет в министерстве обороны уже устали ею восхищаться.

— Хорошо, — ответила Розы и сменила тему. — Мне показалось, что сэр Джеймс смутился. Я вам не помешала?

— Наоборот! Вы вытащили нас из круга экзистен-

¹ “Дэй-Гло” (англ. Day-Glo Color Corp.) — американский производитель краски, специализирующийся на флуоресцентных пигментах.

циального отчаяния. Чертова реставрация, его секретарша уволилась, во дворце нашли вулканизацию или типа того... Какие-то проблемы с проводкой. Похоже, что находиться в Букингемском дворце смертельно опасно.

— Фух, ну и ладненько, — беззаботно отозвалась Роза, направляясь к выходу. — Реставрация звучит очень дорого.

— Так и есть. Бюджет уже перевалил за триста пятьдесят миллионов. Нужно, чтобы парламент согласовал смету в ноябре, а они даже зарплату себе повысить не могут.

Роза остановилась в дверях.

— Оно и понятно, это же второй по известности дом в мире.

— Да, но... триста пятьдесят миллионов. — Сэр Саймон сложил руки на груди, стараясь не примять манжеты сорочки, и уныло уставился на экран компьютера. — Почему-то, когда мне называли сумму в триста миллионов, я не так сильно переживал.

— Это же бюджет на десять лет, — успокоила его Роза. — Реставрация наверняка закончится раньше срока и пройдет в рамках бюджета, как было с Виндзорским замком. А за ремонт Вестминстерского дворца, если я правильно помню, парламент предоставлял счет на четыре миллиарда.

Личный секретарь Ее Величества немного повеселел.

— Вы абсолютно правы, Роза. Не обращайтесь внимания на мое брюзжание, мне просто нужен отдых. Откройте мне секрет, как вам удастся сохранять бодрость духа?

— Я просто занимаюсь спортом и много гуляю на свежем воздухе, — решительно заявила она. — Очень рекомендую.

— Не дерзите старшим, юная леди! Между прочим, я в отличной форме для моих-то лет.

Рози в любом возрасте — на тот момент ей минуло тридцать — была в отличной форме. Она широко улыбнулась и направилась в свой кабинет, расположенный по соседству.

Сэр Саймон старался не подавать виду, но замечание Рози его задело. Она была высокой, чрезвычайно привлекательной молодой женщиной с короткой идеальной стрижкой афро и подтянутой фигурой. Уровень ее физической подготовки практически не изменился со времен службы в королевской конной артиллерии. Сэр Саймон, между тем, был на четверть века старше — колени уже не те, да и спина периодически побаливала. В молодости, во время службы пилотом вертолета или чуть позже — дипломатом в министерстве иностранных дел, он тоже обладал атлетическим телосложением. В колледже занимался греблей, был звездой на поле для регби и блестяще играл в крикет. Но с возрастом количество потребляемого кларета¹ росло обратно пропорционально времени, проведенному с веслом, мячом или крикетной битой. И с этим срочно нужно было что-то делать.

1 Кларет — общее название для некоторых сухих красных вин.